

Как и ожидалось, Луиза почти сразу начала действовать.

Причём ровно тем же способом, что и в романе. Всё совпадало до мельчайших деталей — настолько, что Руан невольно подумал: может, то странное чувство несоответствия, которое он испытал при встрече, было всего лишь иллюзией.

Судя по всему, через шпионов она успела подробно узнать о настроениях в Рейнке, и теперь точно и умело била в трещины между людьми и герцогом. Среди историй, которые Луиза собиралась распространить, была и правда о падении Рейнке.

«Умный ход», — признал Руан.

Во-первых, это усиливало ненависть к Фолькеру — главному врагу.

Во-вторых, подчёркивало холодность герцога, который, зная правду, всё равно не искал мести, а значит, сеяло недоверие: если что-то случится, он якобы снова ничего не сделает.

И вдобавок могло поссорить людей между собой — тех, кто требовал возмездия, и тех, кто был против.

Если бы слухи распространились так, как задумала Луиза, в Рейнке вспыхнул бы хаос, совсем как в «Легендах Империи Сирах».

Проблема заключалась лишь в том, что шпионы, которым поручили это, один за другим прибегали прямо к Руану и подробно пересказывали все указания, полученные от Луизы.

Конечно, полностью остановить распространение слухов было невозможно. Раз разговор уже начался, эту тему рано или поздно всё равно могли использовать против Рейнке.

К тому же, если бы он просто заставил шпионов молчать, Луиза сразу поняла бы, что они переметнулись, и все усилия пошли бы прахом.

Поэтому, узнав о её планах заранее, Руан выбрал другое решение: не заглушать слухи, а аккуратно изменить их направление.

«Кто бы мог подумать, что умение управлять слухами, выработанное в болоте скандалов, когда-нибудь пригодится настолько полезно...»

Он начал с того, что раскрыл правду: вассал, казнённый рукой герцога, действительно был шпионом. Поскольку его смерть и без того оставила сильное впечатление, направить внимание людей именно в эту сторону оказалось легко.

И стоило в истории появиться чётко обозначенному предателю, как образ герцога как «бесчеловечного правителя, который без колебаний казнит даже близких», или «холодного властителя, не способного на сочувствие», начал рушиться.

Потому что теперь герцог перестал быть отдельной фигурой. В этой истории он оказывался на стороне жертв — тем, кого тоже предали.

Он становился человеком, получившим тяжёлую рану от того, кому доверял, и всё же продолжавшим молча держать на плечах пошатнувшийся Рейнке.

«И тогда этот слух перестаёт разъединять людей. Наоборот, он начинает их объединять.»

События развивались именно так, как и задумал Руан.

И результатом стало следующее.

Его взгляд остановился на Аните, которая подгоняла свадебный костюм герцога.

Примерка — дело утомительное: временно смётанную одежду надевают, просят двигаться, проверяют посадку, поправляют ткань, закрепляют булавками... Для кота подобная процедура едва ли могла быть приятной.

Поэтому раньше герцог неизменно демонстрировал явное раздражение, стоило заговорить о примерке, и испуганные портные каждый раз в итоге сдавались.

Руан вспомнил одежду, которую герцог носил прежде.

«С его фигурой даже мешковина смотрелась бы неплохо... но по-настоящему хорошо сидящих вещей у него никогда не было.»

Но теперь ситуация изменилась.

— Ваша Светлость, поднимите, пожалуйста, правую руку... здесь немного топорщится. Я закреплю булавкой.

Анита, несмотря на явное недовольство, исходившее от герцога, лишь слегка нервничала, но не прекращала работу. Она спокойно давала указания для примерки и продолжала поправлять одежду прямо на нём.

«Значит, отношение к герцогу и правда изменилось.»

Он с удовлетворением наблюдал, как костюм постепенно подгоняют по фигуре.

Раз уж всё так удачно складывается, можно было бы заказать ему ещё несколько вещей. Тем более в последнее время герцог, когда начинал торопиться, имел привычку рвать одежду. Несколько комплектов уже было безнадежно испорчено. Если заменить их новыми, идеально сидящими...

Мысль о том, что можно одеть и без того красивого возлюбленного в ещё более удобную и эффектную одежду, заставила уголки губ Руана предательски поползти вверх.

— Хорошо тебе, хорошо, — раздался голос Йонта.

Он пришёл помочь Аните с вещами, и от этих слов Руан смущённо кашлянул, поспешно прикрывая рот.

Но Йонт, поймав момент, останавливаться не собирался.

— Смотришь на него — и уже сияешь. На свадьбе, наверное, расплачешься? Ну да, сын Ханса всё-таки...

Поддразнивания продолжались, и это слегка утомляло, но Руан не мог сказать, что ему неприятно. Напротив — тот факт, что обычно пугливый Йонт теперь мог вот так шутить на тему герцога, сам по себе был хорошим знаком.

«Похоже, история со слухами действительно решена.»

Более того, всё вышло даже лучше, чем он ожидал.

Но если они получили выгоду, значит, другая сторона понесла потери.

Размышляя о том, как изменилась ситуация, Руан вдруг подумал о человеке, который сейчас наверняка испытывал прямо противоположные чувства.

О Луизе, что ждала раскола в Рейнке.

Когда она впервые приехала сюда, она наверняка была уверена, что сможет легко склонить герцога на свою сторону. В конце концов, он, как и она сама, потерял семью из-за Фолькера и едва не лишился родины. Знал ли он правду или нет, в любом случае она рассчитывала без труда убедить его.

Но неожиданно герцог твёрдо отказался встать на её сторону.

И тогда она перешла к следующему шагу — попыталась раскачать общественное мнение в Рейнке, чтобы вынудить его действовать.

В романе эта стратегия сработала.

Но сейчас вместо того, чтобы расколоть Рейнке, она лишь ещё сильнее сплотила его.

И если Луиза теперь снова терпит неудачу, остаётся лишь один путь.

«Чтобы заставить герцога, который решил сосредоточиться на защите своих земель, неизбежно столкнуться с Фолькером... ей придётся устроить всё так, чтобы Фолькер сам начал угрожать Рейнке.»

В тот день, когда они встретились, на её слова о том, что его меч вполне может сразить и Фолькера, герцог ответил:

«Мой меч предназначен для того, чтобы отсекал всё, что угрожает моим землям.»

А значит, если Фолькер снова посягнёт на Рейнке, герцог действительно поднимет против него клинок. И было очевидно: поняв, что предыдущий план полностью провалился, Луиза попытается использовать именно это.

Поэтому, прежде чем она придумает новый ход и развернёт ещё более крупную игру, Руан должен был встретиться с ней.

«Пора навестить её.»

* * *

Кто из персонажей романа обычно оказывается тем, кого читатель знает лучше всех?

Если не брать в расчёт особые случаи вроде хитрых повествовательных приёмов, ответ почти всегда один — главный герой.

История обычно рассказывается через его взгляд: читатель следует за событиями вместе с ним, разделяет его мысли и чувства.

Если задуматься, чтение романа — это почти возможность прожить ключевые моменты чужой жизни изнутри.

И человек, переживший такое, невольно начинает понимать героя лучше, чем кого-либо ещё.

Иногда, даже лучше, чем сам герой понимает себя.

Это, конечно, не отменяет того факта, что в «Легендах Империи Сирах» автор почему-то умолчал о таких шокирующих вещах, как то, что северный герцог — зверочеловек-кот, а глава торговой гильдии — пёс-оборотень... но в остальном роман всё же следовал привычным законам жанра.

А значит, это относилось и к читателю Ким Ха Джину.

Главная героиня романа, Луиза Сирах, была человеком, которого он знал лучше всех в этом мире.

И именно поэтому, после того как Руан почувствовал странное несоответствие при их встрече, он продолжал снова и снова возвращаться к этой мысли.

И наконец пришёл к выводу.

В его поле зрения появилась Луиза. Она стояла перед хижиной и смотрела в ночное небо. Руан несколько мгновений молча наблюдал за ней.

Вскоре она почувствовала присутствие чужака, обернулась, и их взгляды встретились.

Руан первым нарушил тишину, вежливо поклонившись:

— Ваше Величество, надеюсь, вы пребываете в добром здравии. Я пришёл убедиться, что у вас нет неудобств.

Честно говоря, он прекрасно понимал, что благодаря его действиям ей сейчас явно не до спокойствия. Но это уже было следствием её собственных решений.

Луиза некоторое время смотрела на него, а затем заговорила:

— Советник и жених великого герцога... Руан Дэйн.

Это были не приветствие и не ответ на его вопрос.

— Я слышала о тебе от Рафи.